
**ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР – 25
В «ПРИОКСКИХ ЗОРЯХ»**

Сергей Мурашев
(г. Москва)

ЗА ЧУЖОЙ СЧЕТ

Студент 4 курса Литературного института, стипендиат Министерства образования и науки России (персональная стипендия им. А. И. Солженицына)

1

Который уже раз в районной газете можно было найти объявление: «Продается хороший дом в д. Ильменьге. На берегу реки. Адрес: ..... область, ... район, п-о Ильменьга. Индекс: *****. Клавдие Андреевне Сухаревой».

...Клавдия Андреевна, или попросту, по-деревенски, Клавка Хромая, хромой была от рождения, и много натерпелась от своей болезни... Ее долго никто не брал за муж, а когда наконец «выпало счастье» с сорокапятiletним мужиком, стало совсем тяжело. Муж ее бил, часто, даже зимой, выгонял из дома, звал сукой хромой...— молодая Клавдия все терпела.

К шестидесяти годам муж умер, и единственную дочку она доучивала сама. Именно к ней, если продаст дом, и хотела уехать Клавдия. Дочка была ее упоительной радостью: она удачно вышла замуж, работала на хорошем денежном месте и родила трех, подрастающих уже, детей.

На деревне одни бабы говорили, что надо в объявлении написать про рыбу, про грибы, про ягоды — другие кричали на них, что, где Клавка столько денег возьмет...— каждая буква денег стоит.

Почти все мужики сошлись на том, что жить в такую глушь все равно никто не придет, поэтому дом не купят; разве что какой дачник.

Однажды ранней весной Клавдия приковыляла к соседям.

— Приехал ко мне покупатель...— сказала она еще в дверях.

— Кто?

— Не знаю, то ли моряк какой-то, то ли рыбак. Пенсионер уже, собирается жить...— Клавдия, тяжело отпыхиваясь, присела на лавку около печи.— Молочка вы бы, Лида, не налили для гостя... Я и денежки принесла...

— Ладно, ладно, Клавдия Андреевна... А какой он?

— Знаете, такой еще молодежь, сам все время улыбается, приветливый.
— И точно уже покупает?
— Все, все, место очень понравилось, дом понравился... Только цену не обговорили... А если надумает молочко брать, я на вас, Лида, скажу.
— Хорошо, Клавдия Андреевна, хорошо — скажите.
— Пойду я, а то ждет. До свидания, Лида.
— До свидания.

Пока хозяйка ходила за молоком, гость уже переделся в фуфайку, штаны и шапку-ушанку, которые дала Клавдия.

— Как раз вам в пору, а я молочка принесла.

— Холодно сейчас молочко пить... А почему у вас молочко? — он опять широко улыбнулся, показав красивые ровные зубы.

— Недорого совсем, вот у соседей можно брать... Холодно — печку надо истопить. Я уже два месяца здесь не живу. Только бумагу прожжем, а то задымит.

...Клавдия Андреевна уже давненько не жила дома, как зарезали последнего барана и стали кончаться дрова. До лета она переехала к сестре. А там видно будет...

Еще на рассвете Клавдия Андреевна пошла за обещанными деньгами: хотелось скорее отдать все долги, заказать с кем-нибудь билеты, хотелось к дочери... Вчера гостя никак не удалось позвать на ночевку к сестре, остался раскладываться. Но ничего угореть не должен.

В доме уже топилась плита, на ней что-то шипело. «Хозяйственный», — подумала Клавдия Андреевна.

— Здравствуйте — я пришла.

— За деньгами пришли, хорошо. Я уже все приготовил: вот, пожалуйста, пересчитайте.

Раньше Клавдия Андреевна всегда считала, но последнее время ей нравилось доверять людям.

— Ладно, не надо, — сказала она.

— Нет, пересчитаем. Смотрите, — гость по бумажке переложил всю пачку и отдал Клавдии Андреевне. Та сровняла на столе и, стесняясь того, что берет деньги, завернула их, в специально принесенную, газету.

— Потом, может, сестра моя придет, я-то уеду. Поможете ей вот эту кровать-полуторку вынести? Будьте добры!.. У нее летом опять Леша с Ленею приедут, а спать негде, ладно?

— Нет.

— ...Почему нет? — испуганно засмеялась Клавдия непонимающим старушечьим смехом.

— Вы, Клавдия Андреевна, дом продали — и, значит, выносить ничего не будем, — гость расплылся в улыбке.

— Да куда вам, хватит тут кроватей...

— Пригодится, пригодится, Клавдия Андреевна. Сначала кровать, потом диванчик... Выносить ничего не будем, — и снова улыбка. Так и запомнился Клавдии гость. На голове шапка-ушанка, завязанная сверху, красивые ровные зубы и широкая улыбка, обволакивающая все лицо.

Клавдия Андреевна не стала больше спорить — она немало пожила, немало видала разных людей. Зачем тратить нервы? Много ли ей теперь надо? Гость быстро выхлопотал и оформил все бумаги. На следующий день после этого Клавка Хромая уехала. Моряк (именно так и стали называть его в деревне) быстро обжился. Через неделю он уже сидел в перевозной будке-избушке бригады колхозных мужиков, ва-

ливших лес в делянке, и договаривался на счет дров. Он доставал из своей большой красной сумки бутылку за бутылкой, сало.

— У меня этого добра...— говорил Моряк.— Заходите, если надо. В магазине, пожалуй, кусается?! А если что сделаете — мгновенный расчет! — Он взмахнул ладонью так, словно хотел отрубить кому-нибудь голову или сбить горлышко бутылки.— Мне сделают — я сделаю.

— Ну, держим.

—...Да, да, мужики, пейте... Ну что, Рома, завтра дрова сделаете?

Пьяный, оглупевший от вина, бригадир Роман кивал головой и издавал мычащие, неизвестные до этого звуки согласия.

После обеда бригада не вышла на работу. Мужики были довольны, они пили за чужой счет, но, видно, не знали, что счет этот им еще предьявят.

Жена Романа, Ира, еще ни разу не видела мужа смертельно пьяным и, не ругаясь, уложила спать. Раньше Роман почти совсем не пил. Примером ему в этом служил отец. На свадьбе подружки, завидуя, шептали: «Повезло тебе, Ирка,— непьющий, некурящий». Но после смерти отца, с самым близким человеком Иры что-то случилось, что-то сломалось внутри... вернее, стало изнашиваться. И вот, за несколько лет изменилось. Ира вспомнила, как в эти новогодние праздники Роман открыл форточку и несколько раз крикнул в темноту: «В будущий год будем встречать миллениум, конец света!»

На следующий день после пьянки трактор с избушкой колхозных лесорубов изменил свой обычный маршрут в делянку и остановился напротив дома Моряка. Роман вылез и хотел зайти за бутылкой, но Моряк уже ждал у дверей. Бригадир обернулся назад, мужики стояли около избушки и курили, перетаптываясь на месте.

— Ну что, Рома? Дрова вот сюда привезете, притяните ближе к дому. Не забудьте только пару сушин. Хлыстами ведь?

— Пузыря дай, опохмелиться.

— А сделаете?

— Да все я сделаю — пузыря дай! — зло ответил Роман и снова оглянулся на мужиков.

Моряк, в обычных для него теперь латаной фуфайке и ушанке, суетливо забежал на веранду и сразу же вернулся с двумя бутылками. Роман взял обе...

Работа сегодня у лесорубов не ладилась. Часто перекуривали, ходили пить чай, водка давно уже кончилась.

Вечером к дому Моряка трелевочник приволок здоровую пачку берез. А Романа, опять пришедшего домой пьяным, ругала жена. Он огрызался, бурчал что-то. Ира плакала и, наконец, утирая слезы, ушла на кухню...

«Хорошо, что сегодня выходной»,— подумал проснувшийся утром Роман. У него болела голова, тело ныло.

— Полоскать пойдем! — бросила проходившая по комнате Ира.

«Хорошо, что сегодня выходной,— снова подумал Роман,— за выходной отойду. Вставать надо». Он встал, оделся, тяжело пыхтя, сначала попил чаю, потом молока... Накинув суконный пиджак, вышел на улицу и молча потащил к реке приготовленные женой санки с бельем. Ира, казавшаяся Роману надзирателем, шла сзади.

Дорога к реке проходила как раз около дома Моряка. Вчера привезенные дрова уже кто-то пилил... Пилил Сашка, если можно так сказать, младший друг Романа, недавно пришедший из армии.

Когда Роман поравнялся с Сашкой, тот заглушил пилу, схватился за чурку — откинул.

— Здорово!

— Здорово!
— Что, калымишь!? — у Романа внутри что-то подскочило к горлу, он обернулся на жену.
— Ага...

2

Дома у Романа не было денег. Ира изводила его на счет этого и отправляла занять к брату. Роман пошел, когда уже почти стемнело и пора было ужинать.

Стояло начало апреля и, наконец, потеплело: с крыш бежало, на дорогах снежная слякоть. Вечером идти плохо — ничего не видно. Над головой нависло тяжелое черное небо.

Денег у брата не оказалось; на обратном пути Роман зашел к Моряку. Тот сразу поставил.

— Мне дрова, которые ты привез, Александр и распилил, и расколол — приложить только осталось. Я с ним все, хорошо расплатился, а вчера он мне пилу приволок. За три бутылки, плохо что ли?.. Правда, шина кривая, но шинку-то найдем, да и новень...

(...Бизнес Моряка процветал: каждую неделю ездил он за водкой в город. Почти все покупали у него, так как было дешевле. К нему несли и вещи. На деревне Моряка костили, его водку-отраву ругали, но все равно покупали. Пополз слух, что Моряк продает и школьникам. Роман к Моряку не ходил, только давал деньги кому-нибудь, чтоб купили...)

Роман сам наливал себе и глотал одну за другой стопки, тупо смотря, на что-то говорящего Моряка: тот не пил. «Он, гад, не пьет. Нас спаивает, а сам не пьет. Пилу у Сашки забрал, на которую я денег... давал. Надо ему...»

Вдруг до Романа донеслось:

— Вы мне, Рома, хлевок под теленка срубите? С мужиками там договоришься. У меня уже все — лесобилет выписан. Вы там сами вырубите, окорите, все что надо, потом на пилораму плах закажем, досок. Все мне под крышу подведете; я хорошо заплачу... Вот аванс дам. Я, Роман, на тебя надеюсь!

Роман схватил положенные на стол деньги, сунул в карман и выбежал на улицу.

Он шел, спотыкаясь и падая в лужи, потерял шапку. Запутавшись в деревне, забрел в Сашкин дом. На стук, в коридор вышла Сашкина мать. Роман, качаясь перед ней и, видимо, не понимая, почему вышел не друг, бубнил:

— Сашку, Сашку мне, Сашку мне...

— Иди, Сашка, сам разбирайся, к тебе тут пришли...

Сашка вышел.

— Ну-у, Ромка...

— Сашка, Сашка, пилу не надо, не надо... не ходи к Моряку, не надо, Сашка.

— Ро-омка...

— ...Я хожу, я хожу, я не могу... — Он не удержал равновесия и упал. Опершись руками о ведро с помоями, хотел подняться, но ведро опрокинулось...

Роман сидел в луже помоев, что-то бурчал, хлопал руками по мокрому полу.

На грохот и шум сбежалась вся семья: мать, отец и младший брат Сашки.

— У-у-у-у... Куда он теперь? — тихо сказал отец.

— Дома не оставлю! — мать взбесилась. — Дома не оставлю! Волоки его, Сашка, отсюда!

— Батя!? Куда его, батя?

— Что, к Иринке поведем. Больше никак, — отец был спокоен, он уже одевался. — Что стоишь!?

После отцовских слов успокоились и остальные...

Романа было вести трудно: везде скользко, сыро и лужи. Хорошо, что впереди бежал младший брат Сашки, Витька. Он деловито покрикивал: «Тут лужа, тут лужа! Тут токо снегом можно!» На полпути Роман немного протрезвел, но от этого начал только «придуряться»: поджимал ноги, виснув на мужиках, пытался вырваться и стонал, чтоб его оставили подыхать. Под конец он перепутал Сашку с женой, стал приставать к нему с ласками, хватая за колено и крича: «Какая ты, Ира, слобная! Какая слобная!»

...Ира долго была ничего непонимающего мужа. С ревом горланила на весь дом, забившейся под одеяло, дочери: «Любка, он нас продал! Этот алкоголик продал нас, Любонька?»

Утром Роман отдал моряков аванс Ире, та взяла. Люба, проспав, в школу пришла только ко второму уроку. Некоторые почему-то косились на нее с интересом и смешками. Почти вслед за Любой в класс заглянул старшеклассник Витька. Он, подмигивая ребятам, вразвалочку прогулялся вдоль доски туда — обратно. Потом подошел, к сидящей на своем законном учебном месте, сжавшейся сейчас в комок и забитой взглядами, Любе, облокотился о парту и «прошептал»: «Ну че, отец-то вчера с запашком пришел?»

— Опрокинул вчера на себя ведро помойное,— обратился Витя уже ко всем,— и сидит, как поросенок. А потом, вообще корки, когда уже домой вели, Сашку стал за яйца хватать... Голубой, что ли, какой-то!

В школу Люба не ходила несколько дней. Ира на прогулы дочери не обращала внимания, только ставя их Роману в упрек. Наконец за Любой пришел директор школы, узнавши в чем дело. ...Так как в деревне у многих ребят отцы пили, Любу больше не преследовали. Прошло время и потерявший совесть Роман был уволен из колхоза. Теперь он пропал только на «кальмах» у Моряка: даже носил дрова и воду. По деревне говорили, что Ира от него отказалась. Роман часто не ночевал дома, заснув у своего «хозяина» на кухонном полу. Что-то случилось с Романом, нарушилось в его голове, лопнула какая-то капсула с едучей жидкостью, растекшейся по всему мозгу. ...Бывший бригадир, с отличием окончивший техникум, теперь не мог протрезветь, даже когда не пил несколько дней. Жена и дочка казались ему обузой, данной в наказание за что-то.

В конце мая Моряк созвал к себе мужиков, строивших ему хлев, на день рождения. В доме, в такие теплые деньки, когда все начинает зеленеть и уже выпускают коров, сидеть душно и неохота. Пошли на природу, опустились к неширокой, но красивой реке Ильменьге. Моряк расстелил скатерть, стал доставать закуску.

— Вы, мужики, разбирайте стопочки, наливайте.

— Ты хозяин...

— Нет, нет, пока я разложусь...

Кто-то потянулся за бутылкой. Роман, любовавшийся Ильменьгой и березками на той стороне, распустившими почки, сказал:

— А давай, мужики, будем купаться.

— Ты не дури, Ромка, опять у тебя зашиб,— ответил за всех, жевавший кусочек сала, Сашка.

— Вода больно холодная,— добавил кто-то.

— Ну давай, мужики... За твое здоровье, Моряк, имени не знаю...

— ...Моряк и ладно...

Они выпили по несколько стопок. Роман снова заладил свое.

— Пойдем купаться,— говорил он пьяно и упрямо.

— Холодно, дурак, вода холодная. ...Замерзнешь...

— Пойдем купаться. Пойдем... Я пойду один...— Он встал.

— Куда, пропустишь ведь. Держи!

— А, держать!? Буду держать...— Роман опять сел и выпил. Но упрямку его, стержень, который не давал приспособливаться к изменениям жизни, не смог сжечь даже спирт. Правда, изуродованный водкой, не имеющий подпитки извне, стержень этот стал примитивной, идущей поперек общего мнения палкой, что суют в колеса.

— А я пойду купаться,— сказал Роман неожиданно и встал. Сашка успел ухватить друга за пиджак, но тот сбросил его, сбросил и рубаху, оставшись в замызганной майке.

— Дурак,— сказал кто-то.

Роман, сильно шатаясь, шел к реке. Сегодня его развезло быстрее, так как начал праздновать день рождения он еще вчерашним вечером.

— Ну что, кто пойдет купаться... Никто что ли?

— Вода холодная!

— Холодная!? — Ромка глянул на реку, потом снова на мужиков.— Холодная, значит нагреем.— Тупо заулыбался он.

Ромка пошел к старому гнилому плотнику Клавдии Андреевны, с которого та раньше полоскала белье. Небольшой деревянный плотик уже давным-давно кем-то хозяйственным был привязан к берегу тросом, и лишь поэтому не уплывал в половодье.

— Сейчас нагреем, сейчас мы вам нагреем,— все еще улыбаясь, бормотал Роман. Он ступил на плотик, сгнившие доски, настланные на бревна, проломилась.

— Утонешь, дурак... Э!?!..

Роман ступал дальше, отживший свое, намокший плотик немного погрузился под его тяжестью.

— Вам холодно!?!.. Я нагрею, я нагрею...— Он расстегнул ширинку и хотел... но доски снова проломилась. Роман не удержался и, как-то смешно раскинув руки, упал головой вперед, Потом еще раз шевельнулся и замер.

— ...Ро-оман, вставай, не притворяйся. Ро-мик?! — сказал один, шутя.— Вставай, а то выпьем без тебя! Держи!

— Что-то не так.— вскочил Саша, выкинув налитую стопку.— Что-то не так!

Он забежал в воду, приподнял голову Романа.

— Ромка! Ромка!.. Он головой об железину стукнулся! — зло повернулся Сашка к мужикам.

Роман стукнулся головой об огромный, кованый еще в кузнице гвоздь, который, потеряв шляпку, вылезал теперь из прогнивших досок и бревен острым штырем, стоящим кверху.

На следующий день Люба снова не пошла в школу.

